

УДК 316.334.2(476)

Г. Н. Соколова

Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ФЕНОМЕН МОДЕРНИЗАЦИИ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ АНАЛИЗА

Глобализация – объективный, ускоряющийся, всеобъемлющий и далеко неоднозначный процесс. С одной стороны, он расширяет возможности доступа к достижениям науки, техники и культуры, подтягивая все страны к наиболее развитым, но с другой стороны, усиливает экономическую взаимозависимость стран друг от друга, подчиняет их внутреннюю социальную политику внешним экономическим силам. Эта противоречивость особенно ощущается постсоветскими государствами, на долгое время выключенными из процессов мирового экономического развития. Они интегрируются в общий процесс глобальных изменений, осуществляя модернизацию по принципу «догоняющей», неорганической модернизации, связанной с большими социальными издержками, с необходимостью решения как технологических, так и социальных проблем. Если органическая модернизация, осуществляемая наиболее развитыми странами, происходила в течение столетий благодаря внутренним факторам, то неорганическая – осуществляется преимущественно под влиянием зарубежных технологий и форм организации производства. Велика вероятность того, что «догоняющая» модернизация может быть «консервативной» по идеологии (ограничится некоторым технологическим и организационным усовершенствованием); элитарной по масштабности (осуществляемой «сверху», в условиях модернизационного эксперимента); технократически ориентированной по вектору ценностей гражданского общества. Исходя из необходимости проверки данной гипотезы, актуализируются вопросы: в *какой* точке процесса мировой глобализации находятся постсоветские государства, в частности Беларусь и Россия? *Каковы* активы и пассивы этих стран? И наконец, *каков* «коридор экономических и социальных возможностей», обусловленный вышеназванными компонентами? [1, с. 3-12].

Место нахождения в едином глобальном пространстве. Уверенно функционируют в информационном пространстве страны «большой семерки», обладающие 46 из 50 имеющихся в мире макротехнологий. Из этих технологий 22 контролируются США, 8-10 – Германией, 7 – Японией, по 3-5 – Великобританией и Францией, по одной – Канадой и Италией. Россия сохраняет контроль лишь над одной (по некоторым оценкам – двумя) макротехнологиями – производством ядерной энергии и освоением космоса. При этом, на долю семи высокоразвитых стран приходится около

80-90% наукоємкой продукції и почти весь ее экспорт. Доля России составляет, по разным оценкам, от 0,3 до 1,0% [2, с. 15-16].

Каждый технико-технологический этап модернизации имеет свой потенциал и предел эксплуатации как в экономическом, так и в социальном плане. Затягивание перехода к новому укладу, откладывание процессов модернизации имеет не только технико-технологические последствия, как может показаться на первый взгляд, но и социальные. В Беларуси (как и в России) затягивались процессы модернизации, имеющиеся у экономики ресурсы использовались на поднятие заработной платы работников, хотя это не было обусловлено ростом производительности труда и эффективности производства. Основные промышленно-производственные фонды предприятий устаревали (износ оборудования доходил до 70%), технологии и продукция теряли конкурентоспособность на мировых рынках, что обусловило ряд кризисных явлений в экономике (девальвацию рубля, инфляцию, закрытие ряда предприятий в сфере малого бизнеса, неполную занятость и т.д.) и в социальной сфере (снижение уровня жизни населения, падение индекса социального оптимизма и т.д.).

В основе каждого нового этапа модернизации лежат технологические, организационные, управленческие и социальные инновации. Введение этих инноваций связано с разрешением ряда технологических и социальных проблем. Суть *технологической проблемы* для постсоветских стран состоит в том, что преобладающий четвертый технологический уклад представляет собой принципиально иной тип производства, нежели пятый и шестой, и связан практически полностью с механизированным трудом. Так, в промышленности Республики Беларусь (как и в Российской Федерации) до 1/3 всего труда составляет ручной труд, 1/5 – ручной труд с механическими инструментами, 1/3 – машинный труд и лишь 1/10 – полуавтоматизированный и автоматизированный труд. Встраивание новых технологических цепочек в устаревшие технико-технологические структуры наталкивается на проблему совместимости традиционных и инновационных технологий. Устаревшие технологические системы зачастую непригодны для новых высокотехнологичных производств и требуют не просто модернизации-обновления, а своего свертывания и значительных финансово-инвестиционных затрат.

Обобщенную оценку конкурентоспособности (по месту нахождения в мире) дает «Индекс глобальной конкурентоспособности» (Global Competitiveness Index, GCI), который ежегодно публикуется аналитической группой Всемирного экономического форума. Рейтинги конкурентоспособности основаны на комбинации общедоступных статистических данных и результатов ежегодного исследования, проводимого совместно с сетью ведущих исследовательских институтов в

странах, анализируемых в отчете. В 2012 году более 14 000 лидеров бизнеса были опрошены в 144 государствах. При этом, рассматривались как сильные, так и слабые стороны обследуемых стран, что делает возможным определение приоритетных областей для реализации политики ключевых реформ.

Рейтинг оценивает способность стран обеспечить высокий уровень благосостояния своих граждан, что в первую очередь зависит от того, насколько эффективно страна использует ресурсы, которыми располагает. При этом для поддержания высокого уровня жизни необходимо постоянное повышение производительности труда и качества товаров и услуг. Индекс составлен из 12 слагаемых конкурентоспособности, которые детально характеризуют конкурентоспособность стран мира, находящихся на разных уровнях экономического развития. Это – «Качество институтов», «Инфраструктура», «Макроэкономическая стабильность», «Здоровье и начальное образование», «Высшее образование и профессиональная подготовка», «Эффективность рынка товаров и услуг», «Эффективность рынка труда», «Развитость финансового рынка», «Технологический уровень», «Размер внутреннего рынка», «Конкурентоспособность компаний», «Инновационный потенциал». Для каждой из 144 экономик, охваченных исследованием, даны описание страны и национальной экономики с итогами по общей позиции и по наиболее существенным конкурентным преимуществам и недостаткам, выявленным на основании анализа, используемого для расчета индекса [3].

По данному индексу Республика Беларусь пока что не вошла в рейтинг 2012-2013 годов. Это означает, что на ближайшие десятилетия нужно ориентироваться на расширение доли отраслей пятого и шестого технологического уклада. Отметим, что Россия, Казахстан и Украина, имеющие близкие к Беларуси позиции, заняли в 2012-2013 гг. соответственно 67-е, 51-е и 73-е места. Рейтинг глобальной конкурентоспособности по совокупности параметров характеризует уровень развития стран и их модернизационный потенциал в экономическом, социальном и инновационном аспектах.

Данные последнего десятилетия показывают отсутствие в Беларуси серьезных подвижек по этим позициям. Так, в докладе «О состоянии и перспективах развития науки в Республике Беларусь по итогам 2011 года» говорится: «Промышленные технологии производств (заготовительные, обрабатывающие, сборочные) в Республике Беларусь соответствуют четвертому технологическому укладу с элементами пятого технологического уклада, имеющими статус импортного оборудования и технологий. В Беларуси данный сегмент, связанный с разработкой технологического оборудования во всех сферах производства, отстает от развитых стран, и в ближайшие 5 лет своими силами отставание сократить не удастся. По основным технологическим процессам

необходима закупка высокопроизводительного оборудования за рубежом» [4, с. 11]. Однако следует иметь в виду, что наряду с выигрышем во времени и уровне производительности, возникают риски дальнейшего ослабления научно-технического потенциала страны. Далеко не все заимствованные технологии могут (как уже упоминалось) стыковаться с действующим оборудованием. Кроме того, ограничения по ресурсной базе могут препятствовать полной загрузке высокопроизводительных передовых технологий.

Несоразмерность активов и пассивов (в пользу последних). *Экономические* активы России и Беларуси состоят в сохранении основного производственного капитала (ресурсной базы) – наиболее важных видов производства. В Беларуси – это машиностроение, тракторостроение, приборостроение, производство ряда видов сложной бытовой техники. В России – электронная, атомная и электротехническая промышленность, станко-, судо- и приборостроение, ракетно-космическая промышленность, химико-металлургический комплекс. Это то, что российский экономист С. Ю. Глазьев назвал несущими отраслями, сопровождающими развитие основного ядра пятого и шестого технологических укладов (нано- и биотехнологии, клеточные технологии и методы геномной инженерии) [5, с. 26-37].

Что можно отнести к пассивам, определяемым как социальные проблемы, требующие своего решения? Произошло реальное ухудшение соотношения социального и экономического компонентов в государственной социальной политике в пользу последнего, что проявляется в процессах имущественного расслоения, что особенно характерно для России. Средний денежный доход 10% наиболее обеспеченных белорусов в 6 раз, а наиболее обеспеченных россиян в 16 раз превышает средний доход 10% наименее обеспеченных граждан. Социальные группы, которые сложились в России еще к концу 1990-х годов, фактически законсервировались по размерам, сведя до минимума каналы вертикальной мобильности, что демотивирует трудовую и гражданскую активность значительной части населения. В Беларуси роль демотиватора выполняет уравнительная оплата труда работников, занятых в бюджетной сфере.

К *социальным* активам можно отнести наличие квалифицированной рабочей силы, занятой в несущих производствах. Одним из важнейших активов в постсоветских странах выступает роль государства как субъекта модернизации в определении и регулировании модели социально-экономического развития, создании государственных, отраслевых и региональных программ реализации этой модели [6, с. 9-16]. Но при этом нужно иметь в виду проблему баланса экономического и социального направлений в государственной политике. А также проблему границ и методов государственного воздействия на экономику страны в таких

пределах, чтобы не разрушить основы рыночной экономики сильным государством. Согласно теории и практике социального рыночного хозяйства, только сильное правовое государство может стать гарантом эффективной рыночной экономики, т.е. такое, которое использует политическую власть для создания условий конкурентной борьбы, равных для всех социально-профессиональных групп и всех форм собственности.

Модернизация по типу «догоняющей» связана в постсоветских государствах с неизбежными социальными издержками. Суть *социальной проблемы* состоит в том, что в ходе технико-технологической модернизации происходит свертывание ряда производств и отраслей, а это влечет высвобождение тех групп занятого населения, чей уровень профессионально-квалификационной подготовки устарел, обуславливает рост общей и структурной безработицы, снижение жизненного уровня затронутых модернизацией слоев и необходимость разработки адекватных мер их социальной защиты, включающих не только выплату пособий, но и помощь в переобучении, поиске работы и трудовой адаптации. Новые этапы модернизации требуют появления новых социально-профессиональных групп, активно участвующих в модернизации и имеющих интерес к этому процессу как источнику повышения интеллектуального уровня и уровня материального благосостояния (предпринимателей, менеджеров, специалистов и рабочих высокой квалификации). По данным Переписей населения в Беларуси и России, социальную базу модернизации можно оценивать в 1/4-1/5 часть населения.

В то же время, основной массив занятого населения (свыше 70%) в постсоветских странах составляют представители массовых профессий, связанные с традиционными отраслями экономики и образующие иерархию социально-профессиональных групп, сходных по роду занятий (наемный труд физического и умственного характера), имущественному положению (от среднего до малообеспеченного), объему прав, ограниченному рамками трудовых контрактов, и разделяющих традиционные ценности в экономике и социальной сфере. Для того чтобы наемные работники были способны воспроизводить новые социальные слои, превратились в эффективных собственников своей рабочей силы, необходима реорганизация как внешних условий, изменяющих положение работников в обществе, так и внутренних условий – преодоления патерналистских стереотипов, нацеленность на постоянное повышение профессионального образования, формирование социальной ответственности за свою жизнедеятельность.

Практика социологических исследований республиканского масштаба свидетельствует, что *нижний* слой – с доходом ниже БПМ (в Беларуси – 5%, в России – 13%), обладает низким деятельностным потенциалом и не способен адаптироваться к жестким социально-экономическим условиям переходного периода. *Средний* слой – с доходом

от 1 до 2 БПМ (в Беларуси – 30%, в России – 41%) объединяет социально-профессиональные группы, которые могут адаптироваться к новой ситуации ценой снижения социального и профессионального статуса. Сюда входят работники массовых профессий сферы услуг, рабочие низкой квалификации, крестьяне и др. Слой – *выше среднего* – с доходом от 2 до 4 БПМ (в Беларуси – 51%, в России – 23%), сложился из групп массовой интеллигенции (инженеры, учителя, врачи и др.), служащих, квалифицированных рабочих, частных предпринимателей, среднего звена бюрократии. Представители данного слоя обладают традиционными профессионально-квалификационными навыками и направляют основные усилия не на преобразование социальной реальности, а на адаптацию к ней и, зачастую, на поиск путей выживания.

Верхним слоем – свыше 4 БПМ – назван относительно узкий слой (14% в Беларуси и 22% – в России), обладающий наиболее высоким экономическим, статусным и властным потенциалом (верхнее звено бюрократии, наемные работники, занятые в новых производствах, крупные и средние предприниматели, директора предприятий и др.). Группы, формирующие этот слой, нередко имеют разные интересы и преследуют разные цели. Но их объединяет возможность оказывать прямое влияние на процессы модернизации общества [1, с. 8-11].

Формы и способы адаптационного поведения разных социальных групп оказывают опосредованное влияние на ход процессов модернизации. Хотя социальный статус, менталитет, интересы и поведение этих групп различны, их роль в модернизационных процессах достаточно сходна. Это, в первую очередь, приспособление к меняющимся условиям, чтобы выжить, сохранить достигнутый статус и семейный доход, на что ориентированы 86% населения в Беларуси и 78% – в России.

Коридор экономических и социальных возможностей предоставляется обществу каждым новым этапом модернизации, однако то, насколько они будут использованы, во многом определяется как местом нахождения страны в едином глобальном пространстве, так и соразмерностью экономических и социальных активов и пассивов в государстве. В модернизации социальной структуры белорусского и российского обществ есть общее – советское прошлое, связанное с поддержанием полной занятости, развитой системой социальной защиты, обеспечивающей стабильные и низкие цены на базовые товары, равномерное распределение доходов, доступность образования (в том числе высшего) и жилья, защиту от малообеспеченности. И есть различия, а именно – различия в стратегиях перехода к рыночной экономике: выбор эволюционной модели развития в Беларуси и проведение «шоковой терапии» в России. И та, и другая модель имеет свои преимущества и недостатки, приведшие к различной экономической стратификации

общества – одному из основных индикаторов «расширения/сужения» коридора экономических и социальных возможностей.

В Беларуси *эволюционная модель* способствовала обеспечению максимальной социальной защищенности всех слоев населения, однако сдерживала технико-технологическую модернизацию, затрудняла формирование новых социально-профессиональных групп, востребованных новыми технологическими укладами. *Шоковая терапия* в России усилила возможности восходящей мобильности в экономической стратификации, в ходе прохождения стадии «дикого капитализма» позволила определенным социальным слоям накопить первоначальный капитал и способствовала активному появлению принципиально новых слоев (собственники капитала, топ-менеджеры, предприниматели), однако сильно поляризовала общество по критериям имущественного неравенства. Чтобы не допустить серьезного технологического отставания, процессы модернизации в этих странах ориентируются, начиная с 2000-х годов, на «стратегии инновационно-технологического прорыва», когда инновации выступают как «точки роста» в циклическом процессе общей модернизации, как «качественные скачки», обеспечивающие принципиально новое развитие техники и технологии, переход от одного технологического уклада к другому, более высокому.

Общность типологических черт и тенденций развития модернизационных процессов в этих странах в значительной мере определяется степенью государственного вмешательства в сферу экономики и государственной политикой в социальной сфере. Социальная ориентированность государственной политики в экономических преобразованиях, контроль государства над балансом экономического и социального компонентов определяют специфику развития процессов модернизации в Республике Беларусь и Российской Федерации. Различие в механизмах регуляции модернизационных процессов в этих государствах определяется выбором темпа осуществления реформ: эволюционный путь развития или «шоковая терапия».

В белорусском обществе социально-ориентированная рыночная экономика, как результат государственной социальной политики, реально обеспечивает позитивный экономический процесс улучшения материального положения беднейших слоев населения и уменьшает долю этой страты в обществе. Но, по результатам анализа, происходит это как за счет повышения заработной платы, так и за счет перераспределения доходов различных страт, с целью выравнивания их материального положения (при коэффициенте дифференциации – 5,9). В российском обществе наблюдается увеличение социальной дистанции между полюсами дифференциации социальных слоев (при коэффициенте дифференциации – 16,5), что означает усиление социальных различий между стратами с разным денежным доходом,

возникновение и обострение разногласий между ними. Вместе с тем, общий процесс повышения материального благосостояния российского общества выступает фактором компенсации социальной напряженности и гарантом стабильности.

Факторы сужения/расширения коридора возможностей. В числе позитивных внутренних условий и предпосылок можно назвать целевую ориентацию экономической политики на инновационное развитие и структурную перестройку экономики, закрепленные в Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 года [7, с. 138-162]. Позитивными внешними предпосылками являются вхождение страны в Таможенный союз (ТС) и Единое экономическое пространство (ЕЭП), многовекторная внешняя политика.

В экономическом контексте вступление в ЕЭП дает Беларуси низкие цены на энергоносители, что способствует обеспечению занятости белорусского населения и повышению конкурентоспособности белорусских товаров. А также – сохранению относительно низких цен на коммунальные услуги, позволяющие поддерживать приемлемый уровень жизни населения. В социальном плане ЕЭП предполагает обеспечение свободного передвижения граждан внутри ЕЭП, что означает создание унифицированного правового режима в части трудоустройства, условий труда и занятости. Вместе с тем, Беларусь рискует утратить одно из своих главных преимуществ – высококвалифицированные кадры, так как разный уровень рыночной трансформации и доходов обусловил рост оттока трудоспособного населения в страны ЕЭП. В первую очередь, в Россию.

Наряду с позитивными имеют место и негативные процессы, которые сужают коридор экономических и социальных возможностей. Это долговая модель развития, отставание в технологическом уровне и структуре производственного аппарата, конкурентоспособности товаров и услуг, хроническое опережение роста заработной платы по отношению к росту производительности труда, недостаточно эффективная система управления экономикой.

Сохраняются негативные тенденции в научной и научно-технической сферах. Снижается наукоемкость ВВП. Если в 1990 г. она составляла 2,27%, то в 2005 г. – 0,68%, в 2010 г. – 0,70, в 2012 – 0,76% и постоянно находится ниже критического уровня в 1% [8, с. 41]. Отметим, что экономическая отдача, рост и развитие науки и техники возможны лишь при наукоемкости в 1,5–2%. У стран ЕС этот показатель на уровне 2% и выше.

Как следствие, недовыполняются нормативы по обеспечению доли высоких технологий в объеме произведенной в стране продукции. Комплексный прогноз НТП Республики Беларусь на 2006–2015 гг. предусматривал, что доля высоких технологий в объеме произведенной в стране продукции составит в 2010 г. 6,5%. Фактически в 2010 г., по данным

Министерства экономики, доля промышленного производства организаций высокотехнологического сектора в общем объеме промышленного производства составила около 3%. В экономически развитых странах этот показатель достигает 15% [9, с. 3, 8]. Возможно, это один из важнейших индикаторов, который до сих пор не позволяет Республике Беларусь войти в рейтинг «Индекс глобальной конкурентоспособности».

В социальном контексте – коридор возможностей сужается за счет невключенности значительной части занятого населения в процессы модернизации по «догоняющему типу», а также проблем, связанных с функционированием рынка труда. Это проблемы нестабильной занятости на рынке труда; движение текущего рынка труда в направлении типичного вторичного рынка занятости; «жесткость» номинальной заработной платы, ведущая к проявлению «гибкости» уровня денежных доходов за счет вторичной занятости; слабая инновационная восприимчивость занятого населения, определяющая его мотивацию, в основном, на повышение заработной платы и комфортные условия труда.

Расширение коридора экономических и социальных возможностей связано с повышением активности, усилением трудовой мотивации и социальной ответственности основных социально-профессиональных групп за свою деятельность и жизнедеятельность. Проблемы технологического плана невозможно решать без внедрения инноваций в массовое производство, а проблемы социального плана – без активного включения в экономику всех трудовых ресурсов, что создаст условия для более полного проявления их конкурентоспособности и, как следствие, более полной реализации возможностей закона конкуренции.

Таким образом, принятая в обеих странах «стратегия инновационно-технологического прорыва», когда инновации выступают как «точки роста» в циклическом процессе общей модернизации, представляется проблематичной в технологическом контексте, в силу несовместимости нынешнего (четвертого) и будущих (пятого и шестого) технологических укладов. Данная стратегия представляется проблематичной в социальном плане в силу того, что осуществляется в виде ограниченного модернизационного эксперимента, не затрагивающего основной массив населения, занятого в традиционных отраслях экономики. В трактовке современных теорий модернизации, технологические инновации, как ведущая сила нового этапа модернизации, должны быть интегрированы в само «тело» социальной структуры общества.

Модернизация, по типу «догоняющей», безусловно, отягощает решение возникающих технологических и социальных проблем, которых можно было бы избежать при органической модернизации. Проблемы технологического плана невозможно решать без внедрения инноваций в массовое производство, а проблемы социального плана – без активного включения в экономику всех трудовых ресурсов при грамотной государственной политике. Эти универсальные принципы являются залогом успеха любого национального проекта модернизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соколова Г. Н. Модернизация как технологический и социальный феномен: Беларусь-Россия / Г. Н. Соколова // Социол. исслед. – 2012. – № 5. – С. 3-12.
2. Домбровский В. О. О научно-промышленной политике России на рубеже веков / В. О. Домбровский // Проблемы теории и практики управления. – 2000. – № 1. – С. 15-31.
3. World Economic Forum: The Global Competitiveness Index (2012-2013). 05.09.2012. Источник: Центр гуманитарных технологий.
4. Цит. по: Шимов В. Н., Крюков Л. М. Модернизация экономики Беларуси: состояние, проблемы, направления развития / В. Н. Шимов, Л. М. Крюков // Социология. – 2013. – № 3. – С. 4-21.
5. Глазьев С. Ю. Мировой экономический кризис как процесс смены технологических укладов / С. Ю. Глазьев // Вопросы экономики. – 2009. – № 3. – С. 26-37.
6. Шимов В. Н. Структурная трансформация промышленного комплекса страны: императивы и направления реализации / В. Н. Шимов // Социология. – 2012. – № 5. – С. 9-16.
7. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 года / Национальная комиссия по устойчивому развитию Респ. Беларусь; Редколлегия: Я. М. Александрович и др. – Минск: Юнипак. – 2004. – 200 с.
8. Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь, 2013 (Стат. сб.). – Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2013. – 120 с.
9. Программа развития промышленного комплекса Республики Беларусь на период до 2020 года (Утверждена Постановлением СМ РБ от 05.07.2012 г. № 622). 71 с.

УДК 141.7«71»

Я.В. Пушкар

Сумський державний педагогічний
університет імені А.С. Макаренка

ВПЛИВ НІ-НУМЕ-ТЕХНОЛОГІЙ НА СТАНОВЛЕННЯ МЕГАСОЦІУМУ

Дана стаття присвячена проблемі семантики поняття «висока соціогуманітарна технологія» та впливу сучасної науки на формування мегасоціуму. Автор досліджує роль Ні-Нуме-технологій в контексті становлення майбутньої планетарної цивілізації. В статті значна увага приділяється аналізу змін умов та характеру буття суспільства під впливом сучасних супертехнологій. Доводиться, що Ні-Нуме є складний, багатоаспектний феномен, який детермінує становлення мегасоціуму.

Ключові слова: наука, «висока соціогуманітарна технологія», «соціальна технологія», Ні- Нуме, мегасоціум.